

Миров А.Я.

Раз-раз, зато не
Микаэль

А. Я. Мирон

Раз-раз, зато не Микаэль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58670774

SelfPub; 2020

Аннотация

Считать себя взрослым – ошибка. Большая, как твоё самомнение. И одновременно маленькая, как ребёнок, зажатый внутри твоего тела. Кому-то удаётся добраться до старости, а кто-то замирает в детстве навсегда. И это не твой выбор. Это чья-то милость.

Выспавшееся озеро пребывало в наипрекраснейшем расположении духа. Это сразу бросалось в глаза. Когда-то ему даровалось спокойствие в виде названия Тихое, что сейчас абсолютно не мешало водице метаться между утопить скучное небо и убежать куда-нибудь далеко-далеко. Взмокшая осока из последних сил бережно скрадывала несносные порывы. О том, чтобы кануть в утреннюю негу, ядовито зелёной траве оставалось только мечтать. По велению любопытства нагрянула пёстрая зарянка и, подхватив настроение шалить, умчалась с полным клювом обратно в лес. А тот, покорно сложив листья, стоял в предвкушении, боясь шелохнуться. Вот-вот начнётся. Скорее бы уже.

В густых кронах желтели флейтистки-иволги. Семейство вьюрковых, давясь нетерпением, прыгало по тропинкам, готовясь в любой момент перейти к трели. Невзрачная кукушка, и та была тут как тут. Помня про данное обещание не встречать, как бы сильно этого ни хотелось, она в поисках иного развлечения неоднозначно поглядывала на чужие гнёзда. Хор в полном составе, зрители на месте, только белобрюхой солистки не хватает.

– Да вот же она!

Зарянка, известная широкой публике как малиновка, опустила на отполированную солнцем ветку и, всё так же не раскрывая клюва, обвела собравшихся хитрым взглядом. Запрокинула рыжую шею, легонько похлопала по серым бокам крыльями. Маленькое пёрышко, нежданно отделившись от

хозяйки, на секунду беспомощно зависло в пространстве. И до этого никому не было дела. Всеобщее внимание утекло к главной вокалистке, сосредоточившись преимущественно у её клюва. Источая громоздкую царственность, птичка-невеличка таки помиловала собравшихся. Волшебная трель затопила лес до самого последнего листика, что скрючившись на сухом обрубке, искал свою Лету. Хористы искусно вплетали в мелодию свои голоса, забираясь с головой под музыкальное полотно. Пока кукушка изнемогала от желания подкинуть личные нотки в стороннюю композицию, зарянка умолкла, чтобы дать рождение второму куплету. Где-то внизу хрустнула ветка. Солистка вздрогнула, поправила хладнокровие дивы, и магия звуков рассыпалась вокруг. Дождавшись своей партии, иволги разинули рты.

– Апчхи!

Серое пёрышко, отвергнутое крупной ноздрей, подпрыгнуло вверх, но попытки вскарабкаться по воздуху снова не увенчались успехом. Вместо кутавшего листву флейтового свиста иволг с веток закапало дребезжащее мяуканье. Семейство вьюрковых, подпрыгивая на тонких кривых лапках, пустилось в бега. Подхватив обет молчания, кукушка ретировалась в неизвестном направлении. Оказавшись в сольном положении, зарянка-малиновка продолжила тянуть песнь, однако последние крохи настроения шалить смело очередным:

–Апчхи!

– Будь! – скорее приказал, чем пожелал плотный мужчина в ярко-синей куртке.

– Буду, – согласился обладатель крупных ноздрей, поправляя соскочившие очки. – Буду, если государство обеспечит бу-бу-АПЧХИ!-будемым.

Малахитовые кроны снова вздрогнули. Главная хористка улетела, куда испуганные глаза глядят. Лес с подозрением внимал чудаковатой компании. Как будто в обжитую многими годами одиночеством комнату вдруг постучали....

– Апчхи!

Уже трижды....

– Будь здоров! – произнёс с раздражением женский голос, словно лично ему никакой радости от благополучия чихающего. – Простыл? – вопрос обязан был смягчить предыдущую фразу на вроде напыщенного зефира, подданного к крепкому чаю.

– Не планировал, – после серьёзных раздумий ответственвал мужчина, шмыгнув крупными ноздрями.

Узкая ладонь примкнула ко лбу, пробуравленному временем и думами.

– Ты вспотел, – констатировал женский голос. – Дома примем меры.

– Вспотеешь тут, – буркнул хозяин ярко-синей куртки, памятуя о протоптанных лесных километрах.

Глядя на свои теперь уже и не такие оранжевые ботинки, за кои его только сегодня не упрекнул лишь слабовидящий,

плотный мужчина хотел было ещё что-то сказать, но тут же осёкся. Рассуждать вслух на столь физиологические темы как потоотделение может позволить себе лишь чета Лосевых: Игнат Лукич и Ульяна Львовна. У них на то и образование соответствующее есть – столичный мед, и подобные беседы ни коим образом не оскверняют их профессию. Впрочем изгваздать должность судмедэксперта одними словесами – занятие пустое, бесперспективное. Когда ежедневно по локти в человеческом нутре. . . . Плотный мужчина сморщился, пеняя себе на богатое воображение.

Супруги Лосевы – Игнат Лукич и Ульяна Львовна, со школьной поры всё делали вместе: вместе отправились с аттестатом под мышкой искать образования в большом городе, вместе вернулись с алыми дипломами наперевес трудоустроившись на малую родину, вместе ездили отдыхать на озеро Тихое, вместе пошли в ЗАГС. Никто и не помнит их поодиночке. Да и маловероятно, чтобы кому-то взбрело в голову раскладывать чету на части. Лосевы – это ж как стол и стул, сахар и ложка, ключ и замок. Можно, конечно, сосуществовать и по отдельности, но выходит не так ладно, как вместе. Вот и сейчас чета Лосевых сморкалась вместе, хотя изначально чих, минуя Ульяну Львовну, напал на Игната Лукича. То ли за сию сплоченность, а, может, традиции ради, супругов прозвали Лил и Лул. Все же непременно обрастают вторыми именами, иначе – кличками. Во имя независимости от родителей. Мол, дома да, я Игнаша, Ига, в особо тяжких

случаях Игнат, а тут мне не там, здесь я Лил, хочу я того или нет. Вот Лосев совсем не хотел. Но его, как и его жену, друга-товарищи-коллеги об этом не спрашивали. Однажды собрали первые буквы фамилии-имени-отчества и постановили, быть тебе Лилом, а супружнице твоей – Лулой. Ни лось с лосихой, ни очкарики, ни даже скумбрия, на которую каждый из супругов походил с поразительной точностью, нацепи ей на фас оправу, ничему не удалось выступить достойной заменой выданным прозвищам. Как прижилось, так и не отрывается.

Пока чета дружно шмыгала, прикидывая то в уме, то на языке уровень опасности чиха, плотный мужчина в ярко-синей куртке украдкой протёр взмокший лоб. Как назло, шапку не захватил. А всё из-за Вальки! Вот не скажи она «дорогой, шапку не забудь», он обязательно ту шапку бы натянул. Ведь, когда ты в рань раньскую вынужден свои ноженьки вынимать из раздавленных шлёпок и совать в оранжевые ботинки, о которые только безмолвный гласно не споткнулся, то, злобно глядя на зевающую жену, поверх спать вылезает одно желание – перечить! Перечить сонному телу, сонной Вальке, что в отличие от тела наверняка использует возможность доспать. Перечить долгу желалось более всего, но тут одним хотением и ограничилось.

Борис Дмитриевич Теплов грузно вздохнул и засунул руки в глотку ярко-синих карманов. Как ни старались Лил и Лул, к начальнику отделения кличка БДТ так и не прилип-

ла. Да, соглашались друзья-товарищи-коллеги, фигура подполковника безусловно крупная, во всех имеющихся смыслах. Драматическая, этого не отнять. Но от театра у Теплова лишь билеты, хранимые женой Валькой в память о первом свидании. Посему оставаться ему Быком. В затяжные времена совещаний – Быком Дмитриевичем. Что ж поделать, ежели никто не смог обозвать подполковника точнее Валентины?

Следом за Тепловым семенил его вечный зам и по совместительству младший брат мэра Сныть Эркюль Петрович. Долговязый, худой, с блестящими голубыми глазами капитан, пока никто не видит, распускал длинные ручонки до толстых веток и, косясь по сторонам, срывал длинными пальцами жирные листья. Втихаря прикусывал, корчился лицом и, отбрасывая пробник, тянулся за следующим. Как-то он услышал от сослуживцев, что такие же листики выручают сладкоежек в походных условиях. Крошат их в пленённую котелком заварку, и никакой нектар в сравнение не ходит. Только вот на каком именно дереве те сахарные листья растут, капитан то ли не услышал, то ли не запомнил. Скорее, всё сразу. Потому сейчас его длинные ручонки хватались за всякую зелень. Главное, чтоб та помясистее была, в ней же явно больше сладости.

Лес настороженно наблюдал за шествием. Сквозь его шелюру периодически обваливалось солнце и тыкало лучами в глаза. Лил и Лул шмыгали наперегонки. Бык жмурился от

капель пота, стекающих со лба весёлыми ручейками. Снуть всё глубже постигал азы вегетарианства. Так случилось, что несмотря на броское имя, вечного зама кликали исключительно по фамилии. Хотя вся его жизнь состояла из звучных прозвищ. Тут тебе и неприлично высокий рост, обязывающий к призванию каланча, и родня в госуправлении, отчего сам Бог велел откликаться на мэрский брат, да и имя просто таки умоляло о замене на фамилию известного сыщика, но вот поди ж ты, Снуть и всё тут.

Прожевав очередную сочную жилку, капитан сплюнул, решив, что пока с него хватит. Накушался. Вероятно, те сахарные деревья найдутся там, ниже, около Тихого. А расти они прям тут, недалече, от них давно уж ничего бы и не осталось. До последней веточки оборвали бы варвары-сладкоежки. Всё ж таки природа гораздо умнее человека: это люди всё лучшее впереди себя пускают восторгов ради и зависти для, а она, матушка, самое ценное подальше от человека держит, ибо уж кому-кому, а ему доверия нет! Хмыкнув изумительному выводу, вечный зам повеселел и едва не пустился вскачь на манер шестиклассницы. И в этом вот всё кроется причина того, почему к его должности прилагается довесок «вечный». Ни для кого не секрет, что Бык готов посадить в начальственное кресло любого, у кого есть таз, но только не своего нынешнего заместителя. В случае Эркюля Петровича младший брат – это диагноз, посему как бы тошно не было Теплому от работы, он уверенно заявлял, что передаст дела

в длинные руки Сныти только в связи со своей кончиной.

Изрядно поднабравшись уверенности, утро прямо заявило о намерении переодеться в жаркий день. Озеро по прозвищу Тихое обратилось благородной девицей и, обмахиваясь ивовыми лапами, смиренно поджидало гостей. Никому конкретно не назначали, совсем нет, однако слишком уж чуждой выходила суббота: в такой день абсолютное преступление не пойти на свидание к водице. Распоследний грешник решится променять её прозрачную прохладу на чугунный хлор. Только самый ленивый из ленивейших посмеет давиться сном, вместо того, чтобы вдыхать это утро, согнувшись над удочкой, выдыхая умиротворение в шайку серебряных стрекоз.

А ведь всего-то миновать несколько километров добродушного леса, никуда не сворачивая, покуда сбоку ни покажется кривенькая дорожка с корешком в самой сердцевине. Через корешок прыг, по дорожке скок, и вы на озере – ловите рыбку, загар и впечатления. Главное, не пропустить эту тропинку, больно уж она невзрачная, несмотря на изрядную популярность.

Лес безмолвствовал. Солнышко припекало. Путники обливались нетерпением. Скорее бы уже. Иначе совсем не вмоготу.

– Да вот же она!

РАЗ

И без того немногословная компания стала ещё безмолвнее. Бык упёрся взглядом. Лил скинул рюкзак. Лул расстег-

нула плащ. Снутье закусил сочным листом. Я достал блокнот. И так, в четыре часа дежурному поступил звонок. Забредшая к Тихому за порцией романтики влюблённая парочка обнаружила изувеченный труп малолетней девочки. На место в срочном порядке был отправлен участковый. Вон он, ровно одна штука. Кстати, почему участковый? Видимо, вчера именно от него отвернулась удача, припомнив, что, ежели не везёт в картах, то непременно повезёт в любви. И он, скорее всего, не расстроился, глядя, как выигравшие коллеги собираются домой. К жёнам же, а там какая любовь? Ему, холостому, карты точно не врут. Ему, молодому и свободному, однажды повезёт встретить ту самую, что круто изменит его жизнь. Что ж, карты не соврали. Встретил, ту самую, и сейчас старательно топит страх от встречи, пялясь в равнодушную гладь.

– А где свидетели? – прорычал Бык Дмитриевич.

– Домой отпустил, – пискнул участковый, не оборачиваясь. – Они же это....

– Они же что? – мирно осведомилась Лул, склоняясь над телом.

– Невиноватые, – проблеял карточный везунчик.

– Ну это суд будет решать, – констатировал Лил, надевая латексные перчатки.

– Иииииии это....

– Что это? Не мычи! – похоже, Теплов вместе с шапкой позабыл захватить из дома терпение.

– Истерика у них. И у неё, и у него, – выдавил участковый и, обессилив, примостился на корточки.

– Слабые нынче мужики пошли, – почти пропела Лул, убирая налипшую прядь с лица девочки.

– Координаты хоть их взял, – смягчился Бык, заметив свежую рвоту.

Участковый стыдливо кивнул.

– Они опознали... её? Плохо, – Теплов дыхнул в спину заматавшему головой подчинённому, – Очень плохо, – начальник посмотрел на меня.

– Да, прежде, чем искать автора преступления, придётся потратиться временем на идентификацию его творчества.

– Автора, – он скривил губы, – Эвоно как сказал. Может, этому автору ещё прикажешь премию какую выдать?

– Будет зависеть от уникальности его работы.

– Ну и как, уникально?

Лил и Лул вместе пожали плечами. Внушительный стаж лёг мешками вокруг глаз, им стало трудно видеть уникальность в обыденности. Ординарный ребёнок предположительно пяти-шести лет. В самом заурядном сарафанчике, разукрашенном в несуществующие цветы. Такими нарядами тошнится каждый прилавок местного и соседних рынков. Обычное телосложение, возможен факт сексуального насилия традиционным способом. Вероятная причина смерти – асфиксия путём удушения. Обыкновенная смерть для обыкновенной девочки.

Из леса донеслось оханье, перемешанное с аханьем, на тропинку высыпалась горстка человечков.

– Допроси их, – приказал Бык жующему капитану.

– Всех? – Снуть подпрыгнул, от неожиданности вместо листа прикусил язык.

– Нет, выбери того, кто больше понравился. Конечно, всех! И не пускай их сюда, чтобы не затоптали. Этого с собой забери, – подполковник кивнул на участкового, игравшего в гляделки с Тихим.

Вечный зам радостно бросился к сослуживцу, подхватил его подруки. Тот не сопротивлялся. Облокачиваясь друг на друга, правоохранители резво двинулись вверх, навстречу толпе. Живой, здравствующей, требующей. Ну не готовили хлопцев работать с теми, кому их права уже безразличны. Искать хамов, справляющих нужду в общественном месте, воров, коим чужая вещь дороже своей, пусть даже убийц – это пожалуйста! Однако искать, как говорит Бык, не значит найти, и сие весьма справедливо в отношении дружных представителей системы. Но то не суть. Главное, сам процесс, пусть и бестолковый, но направленный в отношении тех, кто способен на реакции. Ищутся невоспитанные, невосдержанные, недобрые и, главное, немёртвые. Живой – основное качество преступника, обрекающего его на быть достойным поисков. И сейчас оба ищейки больно стукнулись о жертву. Для них она через край отличается от представлений о норме: слишком маленькая, чтобы быть такой мёрт-

вой.

Страх этой аномалии пропитал воздух. Его вдыхала Лул и бережно осматривала тело. Им дышал Лил и судорожно готовился к транспортировке. И вместе они истово не думали о своём сыне. Родители, выдавшие смерть в самом её неприглядном состоянии, отчаянно гнали из головы образ их любимого мальчика – ровесника этой безымянной девочки. Такого же маленького, такого же беззащитного пред невоспитанными, невоздержанными и недобрыми. И такого живого. Соблазнительно живого для немертвых.

Конечно, они не корили участкового, что отныне так бы и чах над водами. Всю оставшуюся немертвость. Они не пеняли Сныти за то, что он жевал листья, пусть сжевал бы кору, сожрал все деревья по корни, чтобы не видеть труп ребёнка. Они и сами хотели бы жевать и чахнуть, чахнуть и жевать, только бы маленькая смерть исчезла из их взрослой жизни.

Бык и тот расшагивал по берегу в состоянии не по себе. Хотя его совместные с Валькой ночи так и не привели к деторождению. Теперь уже так и не приведут. Настоящий мужчина, не могущий чего-то достичь, делает вид, что этого чего-то достигать и не хочет. Категорически не хочет, поэтому совместные ночи с Валькой обернулись самостоятельным храпом, от коего потомству точно не быть.

– Ну! – Теплов вперился в меня угрюмым взглядом.

– Жертва....

Он хотел проткнуть мою голову насквозь. Лишь бы я ни-

чего не говорил.

– Девочка.... Девочка не из местных, скорее дачники. Сельчане её так и не опознали. Значит, приехала из города. Достаток ниже среднего. Родители тонут в работе, дочь отправили поплавать на озеро. К кому-то из тех, кто пренебрегает общественной активностью, ибо в ином случае интересующий нас опекун нашёлся бы среди пришедших сочувствующих. На озеро пришла не одна. Рядом был тот, кто хорошо знает дорогу. Какой-то её новый знакомый.... Или неновый. О вспыхнувшей ссоре рассуждать глупо, поэтому уверен, что вели её с конкретной целью. Достигнутой.... Скончалась не от удушения.

– А от чего? – в подполковничьих глазах мелькнул испуг.

– От повешения, – я указал на седой обрывок бечевы, запутанной ветром в лапах ивы. -Верёвка старая, не выдержала трупа.... Тела. Девочка.... Тело упало. В волосах грязь, характерная для береговой земли.

Бык, не моргая, смотрел, как в травяных зарослях суетятся Лил и Лул. Вместе. Будто семейство вьюрковых порхает над своим гнездом. Он охраняет семью от непрошенных гостей. Она оберегает исключительно своего птенчика. Птенчика, которому не суждено стать птицей. Не суждено летать.

– Как же она оказалась там?

– Её перенесли. Участковый. Чтобы вода не замыла тело.

Снять на пару с повеселевшим коллегой после безрезультатных опросов разворачивали любопытствующих восвояси.

Пропускали к месту тех, кого проявлять интерес вынуждала работа. Бригада подчинённых Лил и Лул осторожно укладывала труп на носилки. Трепетно накрыли. Аккуратно подняли и двинулись к тропинке, дрожа от неприятных мыслей. Будто ответственным грузчикам наконец-то доверили сервис, а то всё мусор да хлам.

Бесполезные свидетели расступались. Предлагали помощь. Навязывали содействие. Хлюпали носами, хлопали глазами. Прямо и не зеваки вовсе, а плакальщики. Если бы служебная машина отказалась преодолевать не только лес, но и весь город, процессию сей факт не разу бы не остановил. Так и волочились бы за санитарями до самого морга. Зной, расстояние, жажда? Плевать! Плевать и плакать.

– Ведь тебе её совсем не жалко? – Бык прищурился, закусил нижнюю губу.

В голову лезло что-то типа «ты же знаешь ответ, зачем спрашиваешь?», и хоть работаем мы не первый год, формальную дистанцию ещё не прошли до конца, потому я промолчал.

– Закончишь здесь, жду в отделе.

Он поравнялся с поджидающей четой Лосевых. Хлопнул Лиля по рюкзаку, словно там была кнопка пуск. Компания двинулась по тропинке. Лул помахала мне рукой.

Когда они скрылись в лесу, я опустил на траву. Мог бы сесть и раньше, но помешали уважение и другие общественные приبلуды, которые надо соблюдать. Зачем-то. Зачем-то

принято сочувствовать, переживать, окунаться в другие производные слова «жалость». Это же неразумно. Это мешает. Ещё в школе нас учили, что труп – понятие неодушевленное. Как шкаф. Песок. Игрушка. Даже, если она из самого хрупкого материала. Это всё равно не делает её живой. Как и безымянную девочку уже никто не избавит от ипостаси трупа. Разве её можно жалеть? Шкаф вызывает сочувствие? А песок? Кто-нибудь переживает из-за игрушки? Только в том случае, если дорогая вещь перестала быть целой. Потому что осколки теряют в стоимости. Следом падает значимость владельца. И ему жалко себя. Себя живого и теперь уже не такого важного. На ощущения игрушки ему плевать.

Вещи нужны для чувства полноценности. Много вещей – для соревнования среди других таких же полноценных, которые в забитых до отказа роскошью домах гниют от одиночества. Засыпают и просыпаются с пониманием своей ущербности. Даже им самим до конца жизни не удаётся переубедить себя, чего же ждать от неодушевленных предметов? Пусть их многое множество, каждое из коего стоит тысячи, миллионы, ярды. Они всё одно бесполезны. Бесчувственны. Безжизненны. Как найденная девочка. В уродливом дешёвом сарафане с рисунком в несуществующий цветочек.

Я не умею переживать. Бык в курсе. И мы оба знаем, что осмотр уже закончен. Но он был вынужден соврать действительности. Ему нужно время для переваривания. Поэтому он не меня оставил. Он себя унёс. Это было единственное, что

он смог вынести.

Чувства ослабевают разум. Мозг вынужден генерировать производные жалости, вместо того, чтобы выдавать решения. Жалость – основа всех чувств, именно на этой рыхлой, гниющей почве растут любовь, ревность, восхищение, зависть, радость, обида. Но люди продолжают гордиться своими слабостями, преподнося их в форме широкой души. Твёрдо стоять на ногах – это не про них. Болото в голове не способствует твёрдости или устойчивости. Утопать в чувствах, захлёбываться эмоциями – вот их путь, их конечная точка. Они взвалили на разум слишком много условностей, поэтому не могут думать, не могут отличить призвание от приговора.

Теплов глубоко нырнул в жалость. Начал задыхаться. От зависти. Ко мне, ведь я остался сухим. А он обмочился. Но этого никто не заметил, потому что все вокруг заливались слезами и писались от радости из-за того, что несчастье прошло по касательной. А я увидел. И Бык не простил. Не смог простить. Я не обиделся. Не проиграл. Это он тоже увидел, и также не простил. Люди сами выстраивают свою замкнутость. Им нужно где-то бегать. Необходимо что-то чувствовать. Важно как-то оправдать своё существование.

Я посмотрел на часы. Потом на обрывок верёвки. Время не запомнил. Глянул чисто механически. Солнце выжигало на спине второй том своей биографии. Пора в город. Хорошо, что не послушал Лул и приехал на своей машине. После

нудного шествия по лесному массиву меня ждёт прохладный салон припаркованной в тени иномарки. На работу сегодня не поеду. Пусть Быку будет приятно. Сильные должны делать подарки слабым. Для этого придумали красивый термин «благотворительность». Когда ты выкупаешь у поломанных право на крепость. Конечно, странно платить за своё, постоянно платить, наделяя покупку эпитетом условная. Но это общемировая странность. Как налоги на твою землю, за которую ты однажды отвалил немалую сумму. Поборы за твоё авто, что якобы доламывает не знавшие ремонта шоссе. Типа эти деньги пойдут на поддержку дорог. Разве что моральную. Как и в случае с дачным участком. Чиновники додумались монетизировать своё сочувствие, потому что их разум не перегружен жалостью.

Трава хваталась за ноги, умоляя не оставлять её один на один с несносным озером. Умаянный природой я не заметил корешка, торчащего посередине истоптанной дорожки. Упал на руки. Правая ладонь начала саднить. Расплата за невнимательность. Сосредоточение проиграло попыткам сочувствия. Ничего нового, я и так это знал: стоит забить голову ненужными мыслями о ненужных других, и ты уже сбит с дистанции. Отравлен пустыми эмоциями. Начинаешь сожалеть. Я начал. Мне жаль израсходованных на Быка мыслей. Это глупая трата. Ровня погоне за модой, ведь красивая одежда так нравится окружающим. Почему бы не выбросить несколько своих зарплат разом во имя людского восхи-

щения? Потому что это не то, что достойно приобретения: оно бестолковое и быстро портится. Как фруктовая кисло-молочка из рекламы. У каждого человека в голове йогурт – это вкусно, но вредно.

Я упёрся на колени, посмотрел на руку. По ребру ладони засеменяли кровавые капельки. Сел, обернулся. Почему местные не выдернут этот чёртов корень? Забота о природе? Которая на самом деле лень, когда проще навсегда запомнить, чем один раз убрать. Они и по жизни перепрыгивают через несовершенства, называя это принятием. Лишь бы ничего не делать.

Поднялся, отряхнул штаны, сделал вид, что теперь они чистые. Повернулся спиной к Тихому, сделал шаг. Что-то не так. Посмотрел по сторонам. Глянул на корягу, взявшую обязательства подножки. На мягкой тропинке две мелкие впадины от моих ладоней. Чуть поодаль – ещё две. Кто-то тоже упал. Но не на четвереньки. Растянулся плашмя. Недавно. Небольшого роста. Убегал с озера. И не потому, что боялся куда-то опоздать. Кто-то видел убийство. Именно страх наказания заставил мчаться в лес, позабыв осторожность.

Сел в авто, спина прилипла к креслу. Завёл двигатель, открыл окно, полез в бардачок. Окровавленные салфетки заняли пассажирское сидение. Пристегнулся, хотя в этом и не было смысла – я и так на отлично приклеен к спинке. Очередные условности. Дорога не сулила встречных машин: весть об убийстве на озере успела поселиться в каждом доме, и са-

мые любопытные успели начать бояться.

Управление давалось с трудом. Руль хотелось оторвать и выбросить. Болела правая рука. В унисон заныла левая. Так мне и надо. Почувствовал себя диссидентом, наказанным за мысли. Да, я тоже испытываю эмоции. Но они несравнимы с общечеловеческими: беднее, тоньше, прозрачнее. Глубины переживаний не мой конёк. Остаётся глубина мыслей.

Пока выбоины заигрывали с шинами, я воображал себя в душе. Нет, это не пот со лба, это вода из лейки. После надо будет покататься по городу, вдруг, повезёт? Мне часто везёт. И я увижу небольшой рост и разбитые коленки. Он наверняка должен был разбить коленки. Возможно, даже и подбородок. Это было бы очень кстати.

Мелькнула табличка, возвещающая о въезде в город. Предвкушение горячего кофе и холодной душа набросили скорости. Тост и джем. Люблю сладкое. Да, я умею любить. Например, я люблю свою работу. Свою квартиру. Люблю жёсткие джинсы и мягкие кроссовки. Ещё очень люблю свой город. Маленький и несовременный. Напуганный гибелью неизвестной девочки. Это ему за дальность от столицы. Чем проще населённый пункт, тем мельче преступления. Воровство, и то из ряда вон деяние. А тут целое убийство. Кража жизни. Со взломом половой неприкосновенности.

ДВА

Этот город невозможно стыдился, когда его называли таковым. Какой он вам город?! Городок, городишко, на край-

ний случай, хотя это единственно промеж своих допускает-ся. Возможно, населённый пункт, лучше вообще без приставок. К чему эти уточнения? Никто же не говорит: человек Имя Отчествович Фамильев. А, если кто и скажет, то выйдет бесспорным дураком. Какие-то ненужные костыли получают-ся. А городок, в конце концов, не Хабаровск, не Ярославль и, прости Господи, не Москва там какая-нибудь. Под тяжестью значимости не загибается, спину держит ровно, от прироста населения не проседает. На денежных знаках не просто отсутствует, а даже и не планируется. Вот, ежели бы государство задумало посильнее унижить злостных неплательщиков, ну этих коварных бедняков, монетный двор приноровился бы выпускать банкноты с отрицательным номиналом, к примеру, минус пятьдесят рублей, либо минус тысяча, в таком случае родился бы шанс украсить ценные прямоугольнички. Но для начала неплохо было бы о существовании городка сообщить метеорологам с телевидения. Должна же здешняя привычка смотреть прогноз погоды обрасти смыслом. И лёгкостью: тебе ежедневно прямым, нет, наипрямейшим образом заявляют о температурных числах. А это значит, что не нужно через ближайшие из дальних пунктов высчитывать, что сегодня одеть. Нет, надевают там, где после девушки с указкой или тощей конечностью вместо оной не надобно думать. Тут же одежду одевают и по телефону звонят. Не из-за неграмотности, нет-нет-нет, элементарная логика и особо почитаемая простота: звон – звонят, цепь – цепочка, ес-

ли Карапетяныча снова поймали на краже, то посадили его, но всё, что он успел спереть и спрятать – егойное. Логично? Логично! Элементарно? Элементарнее некуда. Просто? Да проще, чем, несмотря на благие намерения и старательный прицел, выкинуть фантик мимо урны.

Если бы у моего городка брали интервью, скажем, по поводу справедливого внесения его в реестр достойных, чья температура предстаёт на суд целой страны, то на вопрос «Как к вам обращаться?», непременно последовал бы ответ «По имени. Только по имени». Без прелюдий в виде званий, прошловековых достижений и прочих комплементарных пристроек. Просто Ретретинск. К вашим услугам. Разумеется, если услуги ваши не противоречат благосостоянию городка, за коим охотников и среди местных хватает.

Нелюбовь к слову «город» уходит глубоко в место зарождения чувств. Точно электропровод белого цвета, который был совершенно случайно обнаружен в собственной квартире, и теперь невозможно успокоиться, пока его источник считается неизвестным. Эта загадка, как и любая другая, оставшаяся без решения, обрела статус аксиомы, лишь бы к ней не возвращаться. В конце концов, у каждого ретретинчанина достаточно своих занятий, чтобы забивать голову пригильными материями.

Остановился у супермаркета. Возле него торгуют пенсионерки. За их фруктами посылают из самого продуктового отдела. Наш ответ капитализму.

– Вот эти персики. Килограмма два.

– Здравствуй, Мишенька, – бабуля подскакивает и начинает воевать с непослушными пакетами. – А посмотри, какие абрикосы! – пока силы не на стороне старости. – Не абрикосы, мёд! Вредный целлофан. А груши не возьмёшь? Сладкие, хоть с чаем ешь.

– Возьму. И малину возьму.

– Экий берун, – ворчливо заметила соседняя торговка, поправляя зелёную косынку. – Лучше бы Карапетяныча взял. А то, как мимо не пройдёт, так, почитай, минус овощ, – старуха подняла соскочивший картофель и водрузила его наверх. – А он между прочим целый день тут шастает.

– Кто, я?! – тело возмущенного Карапетяныча отслоилось от стены супермаркета.

– Правда, Мишенька, ты бы это, принял меры, а то не сбыт, а сплошное разорение. Я тебе ежевички в подарок положила. Приходи ещё.

– Хорошо, что пока есть, что в подарки класть, – загундосила зелёная косынка, перебирая репу.

– Ты же милиция, – подхватили остальные бабульки. – Обязан бороться с преступностью!

– Держи вора, – заголосила старуха. – Вон, рожа какая довольная. Поди, опять чего-нибудь спёр.

– Кто, я? – едва не заплакал Карапетяныч.

– Да, как милиция я обязан. Бороться. Предъявите разрешение на торговлю.

– Зачем? – испугались бабки.

– Чтобы я мог принять меры. Я же милиция. А тут факт кражи на лицо.

– Какой такой кражи? – недобро прищурилась зелёная ко-сынка.

– Государственного масштаба. Ваша предпринимательская деятельность юридически оформлена? Предположу, что нет. Стало быть, и налоги не платите. То есть вы вор.

– Кто, я? – икнула старуха.

– Вы. Собирайтесь. Карапетяныч, ты тоже.

– Кто, я?

– Ты. Свидетелем будешь.

– А точно свидетелем? Свидетелем я могу, – не без гордости сообщил виновник дискуссии.

– Если в карманах у тебя ничего чужого не найду, тогда свидетелем.

– Да это я купил. В маркете! – воришка обернулся на магазин.

– Чек покажи.

– Не взял.

– Значит, он у кассира остался. Пойдём, спросим.

– А если она выкинула?

– Тогда пусть опознает тебя как недавнего покупателя.

– Вот, – Карапетяныч протянул мне украденные продукты. – Два огурца и редис, больше ничего не брал. Честное слово!

– Твои? – спросил я у старухи.

– Не мои! Я ничего не продаю! Просто так здесь села. Гуляю. Воздухом дышу.

– Ага, и пол-огорода своего припёрла, – засмеялись бабки. – Знамо, тоже воздухом подышать. Оно ж в городке воздух-то чистый. Не то, что у нас, в селе.

– Ничего не знаю. Ничего не продаю! – отчеканила зелёная косынка, гордо сложив руки на груди.

– Значит, он не у тебя украл?

– Не у меня.

– Так, может, это он нашёл?

– Может, и нашёл.

– Карапетяныч, забирай.

– Кто, я?

– Ты. Иди в магазин и жди меня. Без вопросов.

Воришка, понутив голову, сгрёб овощи обратно в карман и проследовал в торговую точку. Я отнёс покупки в машину, кинул старухе-партизанке полтинник и прошёл в супермаркет.

– Выбирай, – наказал я. – Встретимся у кассы.

– А что выбирать? – опешил Карапетяныч.

– Что хочешь. Кроме алкоголя. Алкоголь не куплю.

– А остальное купишь? – от удивления он едва не рухнул на пол.

– Остальное куплю. Это будет плата за твой труд.

– Какой такой труд? Бабку ту посадить хочешь?

– Узнаешь потом.

Я двинулся налево, прикидывая, что мне нужно и нужно ли что-то вообще. Карапетяныч, пошатываясь, ушёл вправо. Набрал всяких мелочей, я подошёл к кассе, где уже как штык меня поджидал воришка. Он улыбался во весь рот, радуясь, что, наверное, впервые в его руках не кража, а покупка.

Мужик он неплохой. Просто неумный. Вырос в детдоме. Семью, если таковая вообще была, не помнит. Младенцем его подбросили в больницу, прикрепив к ножке записку с именем и фамилией. Авик Карапетян. Стукнуло по макушке совершеннолетие, выпустился из приюта, украл. По мелочи. Безобидно. Его, конечно, поймали. Осудили. Дали немного, но отсидел от звонка до звонка. Никто его не навещал, как и в детстве.

Вышел. Не один, с клеймом вора. Последствия жизни в городке – все всё слишком быстро узнают и слишком долго помнят. На работу его не брали. Пришлось сделать кражи систематическими. Отметиться успел практически везде. Мелкая личность приобрела широкую известность. Но он славы своей стыдился. До последнего отнекивался. Мог заплакать. От частых переживаний чёрные волосы рано потеряли цвет. Щетина напротив сохранила насыщенность. Вот и ходил, бродил неприкаянный седой с чёрной бородой. Ну не Авиком же его звать? Имя какое-то мальчишеское. Вот за неимением отчества его функцию на себя приняла фамилия.

Карапетянычу уж сорок лет, а он до сих пор думает, что

где-то живёт его многодетная семья. Вспоминает о нём, скупает. Наверное, даже ищет. Скоро непременно найдёт. А как же? Ведь так не бывает на свете, чтоб.... Свои бросили. Карапетьяныч всё понимает: его ссылка в детдом – мера вынужденная. Денег мало, сестёр-братьев много. Мама с папой отобрали самого сильного и принесли его в жертву всеобщего благополучия. Карапетьяныч не в обиде, ведь, главное, что его семья жива-здорова и ищет своего спасителя.

И ему не объяснить, что родители, решившие избавиться от ребёнка и одновременно указавшие его данные, не близкие к Ване Иванову, люди, мягко говоря, дрянные. Сказать по правде, совсем не родители. Государство детское выбрасывание не одобряет, потому на поиски Карапетьян и заодно Карапетьянов пустили не одни милицейские ресурсы. Нулевой результат. Значит, либо некто присвоил себе миссию именованья найденного младенца. Либо то злонамеренный ход, чтобы усложнить следствию путь до истинных предков. Младенец приметный. Не африканец, конечно, но в толпе ретретинчан тоже не затеряется. Мой вывод – какая-то барышня согрешила с горцем. О плоде любви узнала, когда аборт уже бессилён. Но это же не повод расстраивать законного супруга? Ему и так рога достались. Родила. От младенца избавилась. Вымышленной фамилией отвела подозрения куда подальше.

– Спасибо! Вот спасибо! – Карапетьяныч блеснул глазами, разглядывая покупки.

– Ты всё понял?

– Обижаете! Всё сделаю, как велели! Как только увижу кого с покоцанным лицом и убитыми коленками, сразу за ним. Тихо как мышка. Незаметно как.... Как....

– Как материнское пособие. Дальше!

– А дальше я его до дому провожу и бегом к вам.

У магазина было непривычно пусто. Бабульки успели свернуть торговлю и даже подмести за собой. Солнце тут же вцепилось в спину, мстило за общение с кондиционерами. Я сел в машину, открыл окно.

– Михаил Алексеевич, а что он натворил? Ну тот, кого мы ищем.

– Так, по мелочи.

– Вы его посадите, да? – Карапетяныч заметно приуныл. – Не хочется, чтобы из-за меня кого-то в тюрьму отправили. Я там был.

– И как?

– Не очень, Михаил Алексеевич. Скучно и невкусно.

– Зато воровать не надо.

– Да как же не надо?! Скажете тоже. Зэки спуска не дают, то хлеб стащи из столовой, то бумагу у завсклада. Токмо кражами и жил. А там не тут, ежели попадешься, так наподдадут! Какое-то не исправление, получается, а оттачивание.

– Не горюй, не посажу. Это же ребёнок. А детей у нас не сажают. Пока.

ТРИ

– Почему думаешь, что ребёнок? – Бык опорожнил чашку горячего кофе, но так и не смог сжечь зевоту.

– Или карлик.

– С карликом было бы проще.

– Даже слишком. Потому думаю, что это ребёнок. Мальчик. Влюблённый. Увидел как предмет его детской страсти некто ведёт на озеро. Проследил. Теперь надолго обеспечен бессонницей и кошмарами.

– Лул сказала, что девочку повесили.

– Удивительно. Было бы, если бы она сказала что-то другое.

– Не шурши! Я тебя похвалить хотел. Ты молодец. Отлично поработал.

– Принято. Где Снуть?

– Дома валяется. Вчера обожрался в лесу.

– Теперь природа рвётся наружу.

– Бестолочь. Глаз да глаз за ним. А ты чего хотел?

– Хотел про участкового поспрашивать.

– Так давай я тебе его вызову!

– Не, мне бы про него, а не от него. С ним потом.

– Он, кстати, признался, что девочку из-под ивы взял. Говорит, перенёс, чтоб в озеро не смыло. Наказать?

– Похвалить. Если бы смыло, было бы суетнее.

– Чё думаешь?

– По городку ещё покататься.

– Не доверяешь Карапетянычу?

– Доверяю. Если мальчишка местный. Если приезжий, то надо посмотреть места, куда Карапетяныча не пустят.

– А, если он из села? Ты же говорил, что девочка из дачников.

– Передумал. Она совсем не загорелая. Если только вчера приехала, но тогда не вяжется это быстрое знакомство с убийцей. Скорее она из здешних.

– Или труп привезли.

– Вряд ли. Надо быть местным, чтобы знать нюансы территории. Да и слишком это рискованно – тащить труп через весь лес.

– Ну да, – согласился Бык, почесав затылок. – Я к себе пойду.

Теплов что-то ещё говорил, но всё осталось с ним. Я отключился. В глазах потемнело. Это не обморок. Это ночь, время, когда свидетелям положено спать. Но какой-то любопытный мальчишка видел, как луна гладит застывшее лицо. Как вокруг кукольной шеи извивается верёвка. Как обмякшее тело зависло меж небом и землёй....

Я вынул из кармана ключи от авто. Мысленно нажал на педаль газа. Вождение успокаивает. Нужно установить хозяина верёвки. Но это потом. Сначала найти свидетеля.

Улицу жгло вчерашним солнцем. Прохлада возвращаться не планировала. Я сел в машину, открыл окно. Поехали.

Ретретинск выглядел как и положено выглядеть, когда звание столицы не светит ближайшую вечность. Всё, как и

езде. У приезжих особых проблем с адаптацией не возникнет. Особенно у тех, кто пожалует прямо из 80-х годов прошлого столетия. Будни стираются о трудов твердыню. Выходные, как правило, длятся ровно до полудня. Опосля абorigены разбегаются по делам, не уместившимся в прошедшую пятидневку. Кто вальяжно шествует в центральный и по совместительству единственный парк, чтобы там придать ногам ускорения да подбодрить коленные суставы. Ведь мода, как известно, границ не знает. И пусть умные часы с мудрыми мотивациями границу Ретретинска не пересекали, бабушкин компот, дедушкины кеды и оставшиеся с Олимпиады-80 лыжные палки вполне себе прекрасные детали для здорового образа жизни. По крайней мере, хватает на то, чтобы высокомерно поглядывать на скамеечных сидельцев и прудовых уток кормильцев.

Те, кому по душе впечатления, отправляются смотреть на толстеющих с хлебушка водоплавающих птиц, худеющих от зависти кедовых бегунов и палочных шастунов. Иные расслабляются в зале центрального, аки парк, кинотеатра, устремляются на повышающие самоуважение курсы или разбредаются промеж музеев, коих здесь ажно две штуки. Визитёру, особливо тому, кто из города, может показаться, что культурных ценностей тут кот наплакал. А вот гостям из деревень, рассыпанных вокруг, всё очень даже нравится. У них ведь по адресу коты да кошки, гляючи вокруг, плачут так, что ковчег в пору строить. И наверняка бы построили, люд-

то работающий, компьютеров не ведающий, но вот мешают им водка разлитая да поля разворованные. А для культурного обогащения препятствий нема, потому селяне частенько наведываются в Ретретинск дабы вдоволь налакаться одухотворением.

Первый храм культуры и отдыха, ежели вести отсчёт по старшинству, представляет собой классическую избушку с тлеющей под звёздами черепицей, растрескавшимися брёвнами и подвыпившими ставнями, что жалуются на судьбиношку, едва удастся застукать крадущийся мимо ветер. Ассортимент – сплошь поделки когда-то живших здесь людей: живших до того момента, пока преступный закон не сослал их в темницу долгосрочного пребывания, откуда они и шлют в родной край выточенные из буханки ложечки, слепленные из мякиша чётки и прочие артефакты мукИ и неволи.

Второй сосуд с искусством обосновался внизу пятиэтажного здания, что по меркам городка приравнивается к фойе небоскрёба. Посвящён музей личности и деяниям выдающегося политика и отчаянного либерала, твёрдо стоящего в оппозиции к власти, Петра Витальевича Заманухина. Жители городка давно не маются пустыми вопросами, на вроде, что это за фрукт и какого овоща ему целое помещение отвели, когда егойную физиономию по телеку не кажут. Да и чего серое вещество попросту тормозить, вдруг оно как сельская водка и деревенские поля имеет свойство заканчиваться? Тем более все ответы пропечатаны в названии учрежде-

ния: музей имени Заманухина П.В. – известного политика тире оппозиционера тире либерала. И каждый, кто осилил ту надпись, бодро отпечатанную на принтере самой администрации, вполне себе представляет, почему сего деятеля лишают голубых экранов. А те, кто находит приклеенную синим скотчем за уголки: верхний правый и нижний левый, картонку элементом перфоманса, творимого Заманухиным в столице во имя простого народа, даже разделяют взгляды Петра Витальевича. Правда, самих взглядов никто в глаза не видел, но от фотографий, составляющих большую часть экспозиции, веяло непокорством и чуть-чуть лаком для волос.

По части посещаемости ретретинским музеям может позавидовать средней популярности столичный артист. В кассах билеты не залёживаются, экспозиция постоянно пополняется. Слабые преступничают, сильные судят. Тюрма не терпит пустоты, а её содержимое, то бишь содержанты, дабы остаться в веках помимо сводок и личных дел, работают на славу, так сказать, отдают долги обществу пóтом, кровью и чёрным хлебом.

Пока арестанты копят застенки на благо отечества, Пётр Витальевич Заманухин, тот самый либерал-оппозиционер, чей скарб экспонатом зовётся, регулярно обновляет выставку имени себя при помощи аж самого мэра Ретретинска, старшего брата нашего Сныти. Глава городка, Гэгэ – еле слышно шепчет секретарша, печатая какой-нибудь важно-неважный указ, отъявленно пихает культуру в массы. Но

не от избытка душевных порывов. Лоббирование загадочно-го Петра Ильича путается в жидкой кроне генеалогического мэрского дерева.

Местный предприниматель Заманухин, чья история начинается братьями Жил и Был, с детства очень любил тепло, посему стремился к нему аки железяка к магниту. Мальчиком грезил о море, в которое солнечный диск бросает лучи-кипяильники, а оно шипит на песке от удовольствия, обжигая ступни гуляк. Юношей тянулся к девушкам погорячее, чтобы могли разделить пылкость его сердца и остудить раскалённое желание чужого тела. Мужчиной, разочарованным в любви и горячительных напитках, искал, где бы нагреть руки. И нашёл. Устав мёрзнуть у скромного костра родного края, чьё тепло, если и чувствовалось, то едва-едва, Пётр Витальевич махнул в столицу, что искрилась возможностями и пламенела дензнаками. Не город – огонь. Жену и сыновей Заманухин с собой не взял, они к высоким температурам не привыкшие. Да и зачем тащить тлеющие паленья, когда сам намерен отжигать?

Пока его семья выживала, благодаря натруженным рукам брошенной супруги и по совместительству матери-одиночки, Пётр Витальевич жил на широкую ногу. Сделав для сыновей всё, что можно и за гранью возможно, женщина отошла в мир иной. Старший деть худо-бедно вырос в студента философских наук, потом стал аспирантом, и это при нестерпимой ненависти к обучению и книжкам любого со-

держания. Но чего не сделаешь, лишь бы в армию не идти? Впитывал знания, воспитывал брата. Чаша весов медленно и настойчиво клонилась в обратную сторону: сын поднимался в то время, как нерадивый папаня пускался во все тяжкие. Далёкие от честности заработки таяли, вклады замораживались, спина холодела от походов по нисходящей. Понимая, что подбросить дровишки в затухающий костерок перешагнуло дело чести, став необходимостью выживания, Заманухин сделал рывок и угодил прямым сначала под статью, потом на скамью, а после в зону. Вопреки ожиданиям, про пики точёные и вилку его не спрашивали. Он вообще никого не интересовал. И им никто более не интересовался. Тут-то Пётр Витальевич и вспомнил про семью. Писал письма без ответа, молил пощады без прощения. На эмоциях полез в драку с конвойным, чем заработал фингал под глазом и отказ от условно-досрочного с пометкой «особо опасен».

В общем, незавидное будущее махало горемыке-арестанту безобразной культёй. Да вот поди ж ты, заехал на зону неприглядный мужичонка. Слово за слово, выясняется – земляк. Батюшки, какая встреча. А ну что там в родном городе? Мэр новый? Да ты шо! И не ворует? Видать, наворовал уже. Просто честный? А такое бывает? Может, дурачок? Как звать? Ираклий? А не Петрович? Да ну, конечно, Петрович! Заманухин? Как нет?! А какой? Ах, Сныть! Ну, ясно-ясно. И с той беседы личико сидельца сиять не переставало. Правда, сроку подбавили с вновь открывшимися обстоятельствами,

но то даже лучше.

Девичью фамилию жены Пётр Витальевич помнил хорошо. Как забыть, когда собственно из-за этого он и женился. Очень уж невесте жаждалось выбросить сие уродство из паспорта. А Заманухин молод был, горяч и податлив. С именами супружница тоже не прогадала. Первенький родился хилым, врачи уверяли, что нежилец. Вот новоиспеченная ма-маня и нарекла Ираклием – производное от Геркулес. Назвала бы и Геркулесом, но Пётр Витальевич восстал против овсянки. Мальчик вырос в упитанного крепыша, а тут и вторенький подоспел. И что ж ты будешь делать, на свет явился слабее брата. На и ему производное от Геркулеса – Эркюль. Мальчишка упрочился, только что не упитался, с боков всё в рост ушло. За третьим Заманухин уехал в столицу. Жена мужа прокляла, фамилию вернула, о том, что был когда-то в её жизни сей подлец, старалась не вспоминать. Однажды выложила старшему всё, что о папане думает, на том тему и закрыли.

После института Ираклий распределился в мэрию на поддай-принеси. Обязанностями не пренебрегал, знакомства множил. Дослужился до Ираклия Петровича. Потом лично за действующим ГЭГэ указы правил. А, когда мэр на покой собрался, ибо лучше вовремя уйти, чем своевременно снять, то дела всем окол властным советом оставили за проворным заместителем. Так Ретретинск обрёл нового мэра – Сныть И.П.

И именно ему повадился писать заключённый Заманухин П.В. Ираклий Петрович, не дожидаясь сторонних намёков, прекрасно понял, чем грозит возвращение блудного отца. Посему, ничего не говоря брату, поднял все связи, и родному папаньке таки умножили меру пресечения. Однако от помощи родственнику сие обстоятельство не уберегло. Страшась того, что Заманухин выйдет на СМИ и начнёт разбрызгивать воспоминания направо и налево, мэр исполнял маленькие отеческие просьбы. Вскоре Пётр Витальевич совсем очумел от сыновьего участия в его жизни, потому за передачками сигарет «каких дешёвых» и вкусовостей к чифирю «немного, буквально сто граммулек» последовали спортивный костюм «нормальный такой, шоб перед братвой нестыдно было», мобильный телефон «с зыкой фотокамерой», непосредственно сами «лавэ», и, как вишенка на торте успешного шантажа – музей. Имени Петра Витальевича Заманухина. Известного политика тире либерала тире оппозиционера.

ЧЕТЫРЕ

Вечер не успел застать меня на улице. Едва он развёл руки, чтобы заключить день в цепкие объятия, моя саднившая рука закрыла входную дверь. Коридор вспыхнул светом лампочки-одиночки, из кухни приветливо заурчал холодильник. Он наверняка бросился бы мне навстречу, раскрыв от удовольствия пасть, но дурацкий шнур сдержал его порывы. Возможно, следовало бы завести кого-то из четырёхлапых, но спонсировать антигистаминное производство не входило

в мои задачи. Что касается двуногих особей, то помимо кормёжки и выгула они требуют ещё и любви. Парадоксально, что претензии на чувства прямо пропорциональны финансовым затратам. Ещё меньше удовольствия от совместного проживания с представительницами народного типа «был бы милый рядом». Бесплатные кухарки тире уборщицы, коим для существования крайне необходимо круглосуточное унижение. Благодатная почва для маньяков. Однако даже они брезгают, предпочитая женщине-утварь бабу-тварь. Ту, что на место не поставит, а уложит, одной мыслью. Особи со шваброй вместо рук и тряпкой, заменяющей цели, интересны только неудачникам. Созданиям, которых общество ошибочно называет мужиками. Фактически аналоги тряпичных швабр с разлитой водкой по телу и мёртвыми амбициями в черепе. При всём желании мне не стать с ними в один ряд.

Кофейный песок карябал фарфор. Пастила пружинила между пальцами. Очень напоминает людей, такая же податливая. Несуразная. Беспомощная. Одна функция – доставлять удовольствие. Не получать. Только пастила не воображает себе ничего лишнего. Ничего того, что не сбудется. Никогда. А человеку нравится плавать в заблуждениях. Он называет это мечтать. Ещё ему кажется, что это не его едят, а это он кормит. Забавное существо. Вкусно. Мякоть обожгла язык приторностью. Очень вкусно. Человек создан для того, чтобы было вкусно. Тому, кто осмелится укусить. Первым. И потом его не остановить. Он будет жрать, пока сердце не

уступит ожирению. Обычный убийца. Его путь – это конечная точка. Едва выехал, уже приехал. Замахнулся на серию, покатался чуть подольше. Всё зависит от того, что и как часто ты ешь. Правильное питание – основа качества жизни.

Нащупал пульт, направил в экран. Привыкший к тычкам телевизор беспрекословно отобразил картинку. Рыжий очкарик из администрации рассказывал про подготовку ко дню города. Переключил с местного канала на федеральный. Житёйское ток-шоу про любовь: слёзы, драка, запиканные мамы, довольный ведущий прощается, зачем-то желает приятного вечера. Не самая лучшая преамбула для Новостей.

Красный джем соскользнул на белый тост. Клубничная лента вгрызалась в поверхность. Билась о сухие поры. Чтобы забиться вглубь. И отравить насквозь. Заполнить собой всё. Ведущая сосредоточенно пересказывала беседу власть имущих мира сего. Тот предложил. Этот принял. Тому слова не дали. А та принципиально молчала. Но круче всех был наш: он вообще не приехал. Я надкусил тост, думая, что дело вряд ли в цене на авиабилеты. Уж на это бы деньги нашлись. Ежели что, так мы всей страной обязательно бы скинулись. Инвалиды и старики принесли бы деньги лично. Лишь бы наш поехал. И всем там показал. Что есть у нас деньги на ваши вшивые самолёты. Потому что мы великая страна. Но он не полетел. Это хорошо или хорошо для них?

Задержали взяточника по наводке взятокодателя.... Вот и доверяй после этого людям. Цены на продукты растут.... Да

ну прям как дети, которые чужие. Разбился самолёт... А наш ведь как предчувствовал! Во истину, плох тот правитель, кто не знает, на что способен его народ. Наш знает, поэтому не ездит в метро.

Тут закрыли казино. Там открыли фонтан. Здесь премьера шедевра отечественного кинематографа. Слишком много подряд взаимоисключающих слов. Ну и о погоде. У тех дожди. У этих солнечно. В столице облачно. А про Ретретинск узнай сам. Реклама.

Я встал. Швырнул тост в мусорное ведро. Он шмякнулся на ребро. Из груди медленно потекло красное желе. Взял персик. Ни слова про убийство на озере. Ни намёка на то, что в некоем городке нашли мёртвую девочку. Сжал руку. Ладонь засадила. На запястье прыснул нектар. Её должны опознать. Надо найти мальчишку-свидетеля. Я так много думал о нём. Я как будто его вижу. Словно там, на тропинке, он оставил своё фото. В полный рост. Полный ужаса. Выбросил выжатый фрукт к тосту. Им придётся подружиться. Как и мне с моими мыслями. Принять друг друга. Как потребность спать принимает бессонницу.

ПЯТЬ

– Почему ты не дал новостям ход? – это Теплому вместо «здрасьте». – Намеренно скрываешь преступление? – «доброе утречко, товарищ подполковник, хорошо ли спалось?». – Боишься, что это ударит по твоей репутации? – «приятного аппетита, дорогой Бык Дмитриевич».

Начальник с шумом проглотил кофе. Буквально протолкнул его внутрь. Вперил в меня взгляд из серии «от ненависти до убийства один шаг». Из-за шкафа осторожно выглянула вытянутая голова. Длинная рука закрыла дверцу.

– Эти... Эти дела просили?– промямлил Эркюль Петрович, косясь в мою сторону.

– Эти, – пугающе спокойно сообщил Теплов. – Молодец. Свободен.

Если бы не дурацкие поверья мамыши Снуть, между последними словами обязательно прозвучало бы имя капитана. Непременно в ласкательной форме. Но и без того в кабинете стало жутко. Бык одного хвалит, второй жди беды. Вот верная примета. Реально работает.

Вечный зам шмыгнул за дверь, оставив на прощание крепкий аромат мускуса. Почему-то некрасивые любят злоупотреблять парфюмом. Видимо, их естественные запахи близки к внешности. Потому не стоит досадовать на уродцев. Они стараются во имя других. Это их крест – быть удобными.

Я подошёл к окну. Распахнул створку. Ударило табаком – внизу отдыхали, не успев устать, рядовые правоохранители, и осенью – так всегда пахнет перед дождём. А я зонт не взял. Потому что чёртова ведущая не сказала о погоде.

– Как Валентина? – я сел напротив подполковника, закинул ногу на ногу и взял газету.

Перерождать ранний монолог в диалог не имело смыс-

ла. Я знал все ответы. Знал сразу. Просто не сдержался. Не люблю, когда не по-моему. Предпочитаю доносить до людей свою нелюбовь.

– Суставы не крутило? – я перевернул страницу местной прессы.

Бык, не моргая, смотрел на меня. Наверное, мог испепелить газету. Но наше СМИ и не такие взгляды выдерживало. Чего стоит вот эта заметка о городском благосостоянии, что настолько выросло, ажно в Европе не видать. Как не запрокидывай головы, а в ихнем союзе действительно призрак нашего не найти. Есть хоть один памятник Ленину? Хотя бы бюст? Нет? Вот вы лохи!

– Думаешь, будет дождь? – проскрипел он сквозь зубы.

– Да похоже на то.

– Крутило, – подполковник тяжело вздохнул. – Всю ночь крутило. До утра глаз не могли сомкнуть.

– Какое совпадение. Я тоже.

– Миша, – примирительно начал Бык.

Перевернул страницу. Целая полоса отведена даме-врачу, что настоятельно рекомендует не употреблять в пищу иностранное мясо. Видите ли, заграничных кур содержат в плохих условиях, кормят всяким мусором. Варвары, одним словом. Забавно. Дикий народ. Вот у нас каждая несушка собственные апартаменты имеет. Ест исключительно чёрную икру и витамины. Много витаминов. Приложи наш омлет к больному месту, и о недуге забудешь навсегда. Как и о вто-

ром смысле «здоровый» в отношении своей личности.

Оправдания Быка проигрывали статье вчистую. В состязании двух бюджетников победу одержали мигалки с красным крестом. И чёрным, подаренным всей системе правительством. Я подождал какое-то время ради условного приличия. Поднялся. Теплов сидел, облокотившись на стол. Руки сжаты в кулаки до белых костяшек. Я приветливо кивнул и вышел. Надо найти мальчишку. Остальное неинтересно.

Бедный городок, в котором все уже всё знают, но каково ему будет после выпуска федеральных новостей? Мне неинтересно.

Весь отдел занимается поиском родни погибшей. Для каждого сотрудника раскрыть это преступление – дело чести. Да-да, я видел своими глазами, как их переживания падают вонючими окурками в заменяющее урну ведро – символ их доблести. Кривая жестянка – апофеоз морали.

В поиски вовлечены все силы. Подключились коллеги из соседних пунктов. Значит, не верит Бык, что девочка местная. И правильно делает. Единственное, что делает правильно. Пусть занимаются жертвой, а я сосредоточусь на свидетеле.

Спустился вниз. Подошёл к машине. Навстречу выскочил Карапетяныч:

– Михаил Алексеевич, а я вас жду!

– Порадуй.

– Не могу, – воришка жалобно развёл руками. – С вашими

приметами никого. Никогошеньки. А я хорошо искал. Честно. Скажете, продукты вернуть?

– А они остались?

– Я немного оставил. Не всё съел. Скажете принести?

– Скажу садись, поехали, обновим твой холодильник. У тебя же есть холодильник?

– Есть, – изумлённый Карапетяныч плюхнулся на пассажирское. – Наш, советский. Комендант общежития подарил.

– Какой добрый человек.

– И плату с меня не берёт.

– Ну за то помещение, что он тебе выделил, плату брать грешно. А он, насколько помню, верующий.

– Да, – с чувством подтвердил попутчик, жадно взирая на мелькающий за окном город. – В церковь ходит. И мне ходить говорит. Я, Михаил Алексеевич, Ретретинск вдоль и поперёк искагал. Всё знаю, каждую улочку, каждый закоулок, всякий тупичок. А, когда в машине едешь, всё по-другому кажется, будто я впервые здесь. Красиво так. И чудно. Что думаете?

– Думаю, что холодильник и бесплатную коморку комендант тебе выделил за твоё молчание о его неправомерных деяниях.

– Ой, а откуда вы знаете? – добродушно удивился Карапетяныч. – Посадите его? И меня выгоните?

– Что же ты, Авик, вокруг только плохое видишь?

– Не плохое, Михаил Алексеевич, а привычное. И не во-

круг, а в людях.

Остановились около супермаркета. Распознав сквозь катараку неприятно знакомое авто, старухи-торговки бросились сворачиваться.

– Как ежевичка, Мишенька, понравилась? – подобострастно начала бабулька.

– Не пробовал. Любишь ежевику? – спросил я у жавшегося за спиной воришки.

– Люблю, – честно кивнул тот.

– Откуда ему любить? – осмелела старуха в зелёной козынке. – Где бы он её пробовал? В тюрьме, что ли, на обед давали?

– Явно воровал, – загалдели остальные. – Вор, а на свободе. Не порядок!

Я расплатился за ягоды. Перевёл взгляд на торговок. Тишина воцарилась сказочная. Даже улица поумерила гул.

– Пошли, – я передал пакет Карапетянычу, двинулся ко входу.

ШЕСТЬ

Ежевика напоминала пенопласт. Зернышки лопались о нёбо. Вкус отсутствовал. Я опрокинул стакан в мусорку. Надо было отдать Карапетянычу. Он ягоды нахваливал. Пойти собрать? Ну я же не до такой степени его не уважаю? А есть у неуважения степень? Наверняка есть. Люди должны были придумать. Им нравится бросать и бросаться в градации. Красивый – симпатичный – так себе – урод. Много –

достаточно – хватает –помогите, заради Бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.